Улыбаясь и беседуя, они услышали, как слуга из поместья министра сказал, что мастер Чжоу прибыл. Хуа Си Ван увидела, что старая тай-тай уже встала со своего места, и с улыбкой пошла вперед, чтобы поддержать ее.

- Бабушка, будь осторожна. Я тебе помогу.

- Хорошо, хорошо, - старая тай-тай увидела, что ее внучка Цзюнь ванфэй поддерживает ее, и осталась довольна. Даже ее шаги стали гораздо увереннее. Женщины вокруг них вышли вперед, чтобы похвалить Хуа Си Ван за ее заботу, и заставили старую тай-тай расплыться в широкой улыбке.

Яо-ши и Лу-ши последовали за старой госпожой. Услышав похвалу окружающих, Яо-ши с легкой ревностью посмотрела на свою невестку. Теперь, когда третья племянница стала Цзюнь ванфэй, женщины в Цзине начали льстить и уважать невестку, как будто воздух, который выдыхала Хуа Си Ван, был неким небесным эликсиром.

Когда она просто протягивала руку, чтобы помочь старой тай-тай, всем казалось, что она сделала великое дело. Яо-ши залилась краской смущения от стыда за этих людей.

- Невестка, не торопись.

Лу-ши протянула руку, чтобы коснуться невестки с неискренней улыбкой. Она заставила Яо-ши снова сосредоточиться и выдавить из себя подобие улыбки: «Прошу, иди первой».

Лу-ши взглянула на нее и пошла впереди.

Яо-ши, которая думала, что ту по правилам вежливости еще долго придется упрашивать, была так зла, что чуть не прикусила себе язык.

Когда процессия вошла во внутренний двор, они увидели, что Чжоу Юнь Хэн приглашает Хуа И Лю выйти из комнаты. Они все остановились и оглядели Чжоу Юнь Хэна со стороны.

Честно говоря, внешность Чжоу Юнь Хэна была довольна хороша. Из-за ярко-красного наряда жениха его губы казались ярко-красными, а зубы - белыми. Однако Хуа Си Ван видела налёт легкомыслия на его челе - это был не тот человек, который стал бы наслаждаться мирными деньками. Мужчины любили красоту и были жадны до нее, но пока они не создавали больших проблем, в глазах многих людей их можно было бы назвать романтиками. Просто было жаль тех женщин, которые выходили замуж за такого рода мужчин.

«Ох», - старая тай-тай жила десятилетиями и могла заметить, что Чжоу Юнь Хэн не был хорошей партией. Но из-за своего положения, а также из-за того, что помолвка между семьей Хуа и семьей Чжоу была подтверждена, она не могла сказать большего.

Возможно, ей и не нравился характер Хуа И Лю, но она все еще была внучкой семьи Хуа. Была ли она готова к тому, чтобы девушки из семьи Хуа выходили замуж и подвергались пренебрежению в других семьях?

Хуа Си Ван услышала этот вздох, и старая тай-тай еще больше выросла в ее глазах. Эта женщина иногда совершала странные поступки, но у нее было доброе сердце.

Яо-ши и Лу-ши тоже услышали этот вздох, но никто не произнес ни слова.

После того, как Чжоу Юнь Хэн сделал приглашение три раза, дверь открылась. Хуа И Лю на спине вынес ее младший брат, Хуа Цунь Лу. Чжан-ши вытирала слезы, стоя за дверью, ее глаза были полны тоски.

Хуа Си Ван увидела состояние Чжан-ши, и по какой-то причине ее взгляд упал на Хуа Цунь Лу. Она слышала, что император недавно намеревался продвинуть старого господина семьи Чжоу на пост министра и готовился сделать его главным экзаменатором на весенних экзаменах в следующем году.

Чжан-ши могла закрыть глаза на ту историю с наложницей Чжоу Юнь Хэна и выдать замуж Хуа И Лю в семью Чжоу – ведь, скорее всего, это подготовило бы дорогу для Хуа Цунь Лу. Возможно, в глазах Чжан-ши будущее сына было важнее. Что же касается счастья ее дочери, то по сравнению с титулом ученого для ее сына оно ничего не стоило.

Иначе сколько матерей согласилось бы выдать своих дочерей замуж за такого человека? Не было похоже, что они были в отчаянном положении. Почему же они стерпели унижение?

Хуа Си Ван задавалась вопросом: «А что думает по этому поводу второй дядя? Дал ли он свое молчаливое разрешение или сдался по другим причинам?»

От треска фейерверков у Хуа Си Ван зазвенело в ушах. Она вместе с другими женщинами прошла в гостевой зал и через некоторое время увидела, что Чжан-ши вернулась с покрасневшими глазами.

Гости произнесли несколько хвалебных слов в честь Чжоу Юнь Хэна, вызвав у нее легкую улыбку.

- Поскольку моя дочь вышла замуж, я чувствую, что потеряла частичку своего сердца.

- Это всегда так. До замужества дочь - это жемчужина во всех семьях. Теперь, когда она вошла в другую семью, все зависит от того, будет ли заботиться о ней муж. Иначе ее будет ждать тяжелая жизнь.

Услышав эти слова, выражение лица Чжан-ши стало немного неуверенным. Но это было только

на секунду. «Семья Чжоу - это знаменитая в культурных кругах семья, члены их семьи справедливы и благоразумны, - быстро сказала она, словно желая утешить саму себя. - Моей дочерью не будут пренебрегать после свадьбы».

Другие женщины улыбнулись и согласились, когда услышали это, как будто никто из них не знал о том, что мастер Чжан обрюхатил свою наложницу прямо в период траура. Они с готовностью похвалили поведение семьи Чжоу.

Яо-ши презрительно скривила губы. Ее вторая невестка происходила из семьи Чжан, но в этот раз она сделала ставку не на того человека. Она смотрела, как ее дочь выходит замуж за такого мужчину, но всем своим видом показывала, что он прекрасная партия. Воистину, решила извлечь пользу во всех смыслах.

Яо-ши считала себя обычной матерью, и не хотела выдавать свою дочь замуж за такого человека. Ее сын и дочь были очень дороги ей, и она не смогла бы пожертвовать одним, чтобы пристроить другого. А эта женщина была именно такой и не стеснялась говорить, что родилась в известной семье. П-ф-ф!

Старая тай-тай увидела, что презрение на лице Яо-ши было слишком очевидным, и притянула ее к себе.

- А почему сегодня не пришла вторая барышня?

- Она слегка приболела. Сегодня счастливый для старшей барышни день, поэтому я позволила ей отдохнуть в поместье. - Яо-ши осознала, что сейчас здесь было слишком гостей, и ей не стоило показывать свои эмоции. - Когда старшая барышня вернется, я попрошу Хуа Чу Юй сопровождать ее, чтобы они хорошенько поболтали.

У свадебной церемонии были свои правила. Если у незамужней девушки на эти дни приходился менструальный цикл, она не могла присутствовать на свадьбе другого человека. Это было плохой приметой. Когда Яо-ши сказала это, поскольку присутствующие гости были женщинами, они, естественно, поняли, что Яо-ши имеет в виду. Все гостьи чувствовали, что вторая барышня семьи Хуа была действительно хорошим и понимающим человеком. Она не добавила несчастья к свадьбе своей кузины только потому, что хотела увидеть это зрелище, хотя человек, за которого выходила замуж старшая госпожа Хуа, на самом деле был не очень хорошим.

Хуа Си Ван вдруг почувствовала, что устала от всего этого, поэтому подошла к Лу-ши и села рядом. Она взяла чашку с чаем и медленно начала пить, слишком ленивая, чтобы разговаривать с такими людьми, как Чжан-ши.

- Если уж говорить о том, кто удачно женился, то я все равно считаю, что третья барышня вышла замуж удачнее всех, - неожиданно сказала Яо-ши. - Сянь Цзюньван более выдающийся по красоте, таланту и статусу, чем мастер Чжоу. Он также очень внимательный человек. Разве не все так думают?

Слова Яо-ши на первый взгляд восхваляли Сянь Цзюньвана, но на самом деле они хлестали Чжан-ши по лицу. Ее выпад явно не был направлен на то, чтобы улучшить отношения между ними. Когда она произнесла эти слова, это было видно по выражению лица Чжан-ши. Любой, кто слышал, что их зять не может сравниться с другим, не был бы счастлив. Кроме того, Хуа Си Ван и Хуа И Лю были двоюродными сестрами, и люди сравнивали их.

Женщины уставились друг на друга. Никто не ожидал, что Яо-ши произнесет эти слова так грубо и безучастно. Как они могли ответить? Если они скажут «да», то это будет явная пощечина Чжан-ши. Если они скажут «нет», это оскорбит Сяньцзюнь ванфэй.

Конфликт между невестками семьи Хуа был делом семьи Хуа. Они не хотели, чтобы их втягивали в это дело.

- Я думаю, что оба зятя хорошие люди, все они добрые и внимательные. - Старая тай-тай с улыбкой посмотрела на Яо-ши и громко сказала: - Сегодня день радости для старшей госпожи нашей семьи. В поместье приготовили вкусные вина. Прошу всех насладиться едой и напитками.

Старая тай-тай говорила как самый старший человек в семье Хуа, поэтому все, естественно, послушались. Они быстро сменили тему, а затем сели на свои места в соответствии со статусом, чтобы дождаться, когда семья Хуа начнет банкет.

Посидев немного после окончания банкета, Хуа Си Ван нашла предлог встать и уйти. Она была слишком ленива, чтобы задержаться еще хоть на минуту в этом поместье министра. Кроме того, она не хотела видеть, как Чжан-ши играет на публику.

Чем больше она сидела здесь, тем больше чувствовала, что Чжан-ши была еще более ужасным человеком, чем Яо-ши.

Лу-ши почти ничего не говорила и только предупредила ее, чтобы она позаботилась о себе, прежде чем проводить ее за ворота. Увидев, что она садится в карету, Лу-ши долго смотрела ей вслед, прежде чем вернуться назад.

В это время во внутреннем зале не осталось ни одного гостя. Чжан-ши и Яо-ши ссорились из-за предыдущих слов Яо-ши. Когда Лу-ши вошла в комнату, она услышала, как Чжан-ши сказала: «Ну и что, если он Цзюньван Е – он не императорский сын. Прямо сейчас Хуа Си Ван пользуется благосклонностью только из-за своей красоты. Как вы думаете, что произойдет через несколько лет?»

Услышав, как Чжан-ши вот так проклинает ее дочь, Лу-ши со злости разбила фарфоровую вазу у нее под рукой, а затем сердито указала на Чжан-ши пальцем и выпалила: «Чжан-ши, если у тебя хватит смелости, скажи это еще раз!»

Чжан-ши посмотрела на разбитую цветочную вазу на полу, а потом – на разъяренное лицо

своей невестки. Она заставила себя выговорить: «И что же такого неправильного я сказала?»

- Ха, - Лу-ши гневно улыбнулась, а затем презрительно сказала: - По крайней мере, мой зять - императорский родственник. Я не такая, как некоторые, кто готов выдать замуж дочь, когда их будущий зять накануне заделал ребенка наложнице. Я не смогла бы так поступить. Ты смеешь читать мне нотации, тогда почему бы тебе не взглянуть в зеркало? Приглядись и увидишь, кто ты - демон или призрак. Лучше молчи и не вызовешь у людей отвращение.

Грубые слова потоком лились изо рта Лу-ши. Она так разозлилась на Чжан-ши, что у нее перехватило дыхание. Однако то, что сказала Лу-ши, действительно произошло. Даже реши Чжан-ши поспорить, резонных доводов в свою защиту ей было не найти.

Лу-ши было все равно, насколько разозлится ее невестка, поэтому она продолжила: «Я человек простой и не могу подражать поведению членов благородных семей, а также не могу продать свою дочь. Два моих сына не блещут талантами, но мы все еще помним, что следует учить их упорно работать для себя, а не думать, что раз их сестра удачно вышла замуж, у них теперь есть поддержка. Бесплатный сыр только в мышеловке – не думайте, что другие люди глупцы!»

Яо-ши была счастлива наблюдать, как ругаются невестки первой и второй ветви, но она чувствовала страх перед Лу-ши. Если Яо-ши обидит эту женщину, она сможет втоптать ее в грязь. Лучше было не провоцировать невестку в будущем.

- Поскольку вторая невестка не может терпеть простых людей вроде меня в этом месте, я откланиваюсь, - сказала Лу-ши, устав, наконец, проклинать Чжан-ши. Она холодно посмотрела на свою невестку, чье лицо побелело от гнева, и, повернувшись, повела группу служанок к выходу из поместья министра.

Другие, возможно, скажут, что она перегнула палку или была очень груба. Но она никогда не смогла бы поступить так, как Чжан-ши. Никто не смеет издеваться над ее детьми!

«Хах, - Яо-ши издала легкий смешок. – У тебя хватило духу сравнивать своего зятя с Сянь Цзюньваном – ну и бесстыжая же ты». Закончив, она помогла старой тай-тай выйти за дверь, оставив раскрасневшуюся Чжан-ши бросаться вещами в комнате, чтобы дать выход своей ярости.

После этой ссоры она почувствовала, что старшая невестка нравится ей больше. С человеком, который любит притворяться, как Чжан-ши, следует обращаться именно так.

Сидя в карете поместья Сянь Цзюньвана, Хуа Си Ван думала об обычном поведении Чжан-ши и Яо-ши. Чжан-ши была более гордой, а Яо-ши любила сравнивать себя с другими и извлекать из этого выгоду. В своем отношении к дочерям Яо-ши была намного лучше Чжан-ши. Хуа Си Ван не нравились люди, которые поступали так же, как Чжан-ши, хотя в некоторых знатных семьях бывали случаи приношения дочери в жертву ради поддержки другого ребенка.

В это время она услышала снаружи тревожные крики. Экипаж, в котором она сидела, сильно тряхнуло. Она не смогла удержаться и ударилась головой о стенку кареты.

- Цзюнь ванфэй! - после того как карету тряхнуло еще несколько раз, она, наконец, остановилась. Бай Ся и Хун Ин вскочили в карету и помогли ей сесть. - Цзюнь ванфэй, с вами все в порядке?

Когда Хуа Си Ван подняла голову, они побледнели от страха. С виска Хуа Си Ван сочилась кровь. Похоже, ее рана была не из легких.

- Кто-нибудь, скорее бегите и пригласите лекаря в поместье Цзюньвана. - Бай Ся достала чистый хлопчатобумажный платок, чтобы прикрыть рану Хуа Си Ван. – Нужно как можно быстрее вернуться в поместье. Цзюнь ванфэй ранена.

Хуа Си Ван увидела страх Бай Ся и махнула рукой со словами: «Не волнуйся, это просто кажется пугающим. Что стряслось снаружи?»

Лицо Бай Ся перекосилось.

- Императорский шурин напугал лошадь, и она понесла. Только сейчас императорские гвардейцы смогли ее успокоить.

- Разве в городе нет правил, по которым нельзя свободно передвигаться на лошади, кроме как в особых случаях? - в Цзине было много народа, и хотя некоторые знатные сыновья любили ездить верхом, они все же отправлялись в пригород. Если они ездили верхом по городу, их должен был сопровождать стражник, держащий поводья. - А что случилось с этим императорским шурином?

- Даже не знаю. Я слышала, все случилось потому, что он заключил с кем-то пари, утверждая, что искусно ездит верхом и даже выезд в город ему нипочем. - Когда Бай Ся сказала это, у нее заскрежетали зубы. - На улице есть даже раненые дети.

- Это младший чиновник Охранной службы Чжан Хоу, пришедший просить прощения у Сяньцзюнь ванфэй. Я не смог поддерживать порядок и встревожил Цзюнь ванфэй! - из-за двери кареты донесся мужской голос. Хуа Си Ван ничего не ответила.

Хун Ин вышла из кареты и поклонилась этому человеку. «Это определенно несчастный случай. Не принимайте это близко к сердцу, господин. Однако наша Цзюнь ванфэй была ранена в голову и должна вернуться в поместье, чтобы ее осмотрел врач. Надеюсь, вы хорошенько разберетесь с этим делом. - Закончив, она достала мешочек и протянула его этому человеку. - Цзюнь ванфэй услышала, что на дороге лежит раненый ребенок, и специально приказала передать эти деньги на его лечение. Господин, в этом вопросе мы рассчитываем на вас». Сказав это, она снова поклонилась.

- Барышня слишком вежлива. Цзюнь ванфэй сама добродетель, семья ребенка будет безмерно благодарна. - Чжан Хоу был младшим офицером Охранной службы четвертого ранга. В Цзине он был человеком, у которого была определенная репутация. На этот раз императорский шурин стал причиной несчастного случая и также ранил Сяньцзюнь ванфэй. Он думал, что люди из поместья Цзюньвана не взглянут в его сторону из-за их высокого статуса. Кто же знал, что Сяньцзюнь ванфэй была таким щедрым человеком. Он убрал мешочек и поклонился в сторону экипажа. – Я откланиваюсь и надеюсь, что Цзюнь ванфэй выздоровеет как можно скорее.

В это время он услышал женский голос, доносившийся из кареты. Звук был негромкий, но он отчетливо слышал его.

- Большое спасибо, чиновник Чжан.

- Простой чиновник не смеет принять благодарность, - он отступил на несколько шагов и смотрел, как отъезжает карета поместья Сянь Цзюньвана. Затем он посмотрел на мешочек в своей руке и улыбнулся.

Императорский шурин потерял контроль над своей лошадью, и та столкнулась с каретой Сяньцзюнь ванфэй, в результате чего ванфэй была ранена. В ближайшие дни Цзин будет очень занят.

Очень жаль, что он и все остальные члены Охранной службы будут вынуждены плясать под дудку императорского шурина.

http://tl.rulate.ru/book/5480/793526